

чивость человеческой вообще и своей собственной судьбы. Совершенно очевидно, что письмо в «Поучении» играет двойную роль: с одной стороны, оно документирует переживания Мономаха,¹⁵ с другой — очищенное в значительной мере от реалий, оно в поэтической форме дает выход душевному смятению и тоске осиротевшего отца и поднимает тем самым семейные переживания до общечеловеческих. Связь письма с первой частью «Поучения» подчеркивается словами псалма: «О многострастный и печалны аз, много борешься сердцемъ, и одолевши душе сердцею моему».¹⁶

Причина смятения Мономаха в том, что принятое им решение не уступать феодальным распрям, не идти на сделку с совестью во имя семейных интересов, на этот раз влечет за собою трагическую развязку — смерть сына.

Мономах помнит призыв апостола Иоанна и царя Давида к братолюбию («Ибо кто молвить бо, иже бога люблю, а брата своего не люблю, — ложь есть»; «Что есть добро и красно? Братья вкупе» — псалом 132).¹⁷ Его страшит мысль о смерти и загробном осуждении за отказ следовать этому призыву: «Зане тленье сущи, помышляю, како стати пред страшнымъ судьбою каыня и смиренья не примимши между собою».¹⁸

Если в первом случае следование призыву церкви означало бы нарушение данной Мономахом клятвы и противоречило бы интересам Русской земли, то во втором случае — попирало бы естественные человеческие чувства: негодование убитого горем отца против убийцы своего сына. Итак, как же примирить христианский идеал братолюбия и войны, которыми полна его жизнь?

Мономах подмечает противоречие между идеалом и жизнью, принимая объяснение, даваемое церковью: «Но все дьяволе наученье то, бо были рати при умныхъ дедех наших, при добрыхъ и блаженныхъ отцихъ наших».¹⁹ Однако он тут же, на себе самом, замечает, что причины зла таятся в самой противоречивости человеческой психологии.

Христианское смирение дается ему нелегко. Только уступая просьбам старшего сына Мстислава, пишет Мономах своему врагу и обидчику, которому он, естественнее всего, должен был бы отомстить, как мстили «умные» деды и бабки, как отомстила княгиня Ольга древлянам за смерть мужа. Угадывая обуревающую осиротевшего отца ярость, старший сын осторожно предлагает: «Ладимся я и смеримся, а братцю моему суд пришел, а ве ему не будеве местника, но възложиве на бога, а станут си пред богом, а Русьскы земли не погубим».²⁰ Последний довод, несомненно, для Мономаха более убедителен, чем чувство мести. На Мономаха этот довод действует, хотя он отступает не без борьбы с самим собой: «И аз видех смиренья сына своего, сжалихси и бога устрашихся, рекох: он в уности

¹⁵ Рудименты первоначального (делового) текста письма (1098 г.) особенно значительны в его заключительной части.

¹⁶ ПСРЛ, т. I, стлб. 252. Повторяется и другая цитата: «Не ревнуй лукавнующим, не завиди творящимъ беззаконье» (там же).

¹⁷ Ср. «Сказание о Борисе и Глебе»: кн. Борис предпочитает принять мученический венец, нежели воспротивиться злему умыслу старшего брата Святополка: «Да аще кровь мою пролеет и на убийство мое потщиться, мученик буду богу моему. Аз бо не противлюся, зане пишеться: Господь грьдкимъ противеться съмереннымъ же дастъ благодать, апостол же иже, рече, бога люблю, а брата своего ненавидит, лъжь есть. Боязни в любви нет, свершень любви вьн измещет страх» (1-е послание ап. Иоанна).

¹⁸ ПСРЛ, т. I, стлб. 252.

¹⁹ Там же. Ср.: Феодосий Печерский. Поучение о казняхъ божиих. — Ученые записки II отделения Академии наук, кн. 2, вып. 2. СПб., 1886, стр. 193—197.

²⁰ Так в рукописи. Ср. в ПСРЛ, т. I, стлб. 252: «земли не погуби».